

Секция «История»

Чудесное и закономерное в полемике иудеев и христиан (XII-XIV вв.)

Долгополов Василий Геннадьевич

Аспирант

Государственный Академический университет гуманитарных наук, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: nefisgon@list.ru

В современной историографии [1, 2, 8, 10] в последнее время все чаще звучит мнение о том, что отношение к чуду не было одинаковым на всем протяжении Средних веков. Происходят качественные изменения границ чудесного, связанные с расширением географических представлений и рецепцией античного наследия [2]. Многочисленные попытки христианских богословов объяснить сверхъестественное дали Ж. Ле Гоффу основание говорить о «научном сверхъестественном» [8]. В какой степени это коснулось полемических сочинений? Казалось бы, преследуя цель доказать догматы христианства, и, оперируя неизменным каноническим источником, этот жанр должен был сохранить свое своеобразие, что и происходило в большинстве случаев. Сама по себе апелляция к чуду становилась легитимной благодаря многочисленным рассказам о суеверности иудеев. В то же время, ряд авторов осознают недостаточность ссылки на авторитет Ветхого Завета и признают применение (пусть и в ограниченном объеме) научного знания легитимной стратегией аргументации в случае полемики с иудеями. Здесь мы можем выделить две основные тенденции. Одна из них – апелляция к принципу подобия между природным и божественным. Легитимность данного принципа обеспечивается не только расширением научных представлений полемистов, но и необходимостью разработки устоявшейся терминологии. Средневековье знало относительно универсальную классификацию чудес, восходящую к Августину и Григорию Великому [3] и кристаллизовавшуюся у Гервасия Тильберрийского [2], разделявшего *miracula* и *mirabilia*. Однако, большинство полемистов не пользуется такой классификацией, называя все чудеса *miracula*. Развернутую классификацию мы находим лишь в «Триумфе» Якова Сиверосо. Как *mirabilia* оцениваются не чудеса, совершенные Христом, а его чудесное появление на свет и чудесное соединение природ, термином *miracula* называются таинства, установленные Христом [6]. *Mirabilia*, по определению Гервасия, подлежат разумному толкованию, что позволяет Сиверосо если не рационально объяснить чудесное, то, по крайней мере, предлагать научные метафоры для объяснения чудесных явлений, и тем самым, получить возможность противостоять усиливающимся нападкам на христианские догматы со стороны иудеев. Сопоставляя явление испарения воды и конденсации пара при сохранении их свойств с тем, как Бог стал человеком, он предвосхищает возможное возмущение своего иудейского собеседника и постулирует принцип подобия между природным и божественным [6]. Аналогичным способом Сиверосо анализирует чудеса Вознесения и нисхождения Святого Духа на апостолов. Этот принцип подобия, известный задолго до Сиверосо, вкупе с расширением географических представлений и стереотипом о суеверии иудеев, давал повод для своеобразных спекуляций в этой области, очевидных на примере Гвиберта Ножанского [4].

Другая тенденция, проявившаяся с самого начала нового этапа в полемике – это внедрение определенных элементов научной доктрины в доказательство или критику

чуда оппонента. Для Петра Альфонси критерием чуда является то, что оно не должно противоречить разуму. Петр проводит этот принцип в жизнь, давая практически естественнонаучное описание чуда Вознесения, введя в его описание теорию о четырех элементах [8]. Эта же мысль отчетливо звучит у Родриго Хименеса де Рада, однако он отказывается от апологии чудес и переходит к критике иудейской концепции Мессии, которая строится на том, что чудеса, которые совершит Мессия, связанные с изменением качеств элементов, не смогут произойти в силу того, что он человек, вовлеченный в аристотелевский круг рождения и разрушения [9]. Такая научная критика дополняется у Родриго апелляцией к научному авторитету, релевантному для иудеев, тем самым придавая религиозной доктрине характер научной. В сочинении Якова Сиверосо происходит возвращение к апологии христианского чуда в еще одном аспекте: аргументации в пользу таинств, рассматриваемых им как высшее чудо. Подробная классификация акцидентальных и субстанциальных качеств в таинстве причастия, равно как и разграничение области законов разума и природы, хотя и не решают основные вопросы, поставленные иудейскими критиками таинства, позволяют придать доказательству чуда причастия характер естественнонаучной аргументации.

Впрочем, значение такого рода элементов рационального постижения чуда не стоит переоценивать. В вопросе фиктивного собеседника Сиверосо отчетливо усматривается то, что автор осознает всю сложность применения научного знания в апологии чудес христианства. В конечном счете, и критика и апология чуда направлена на то, чтобы текст приобрел свое духовное звучание. Авторы, допускающие возможность применения научного знания к чудесным явлениям, нередко приводят примеры того, что наука бессильна перед чудом. Родриго говорит, что волхвы, вычислив местонахождение вифлеемской звезды *геометрически*, смогли найти место рождения Спасителя лишь благодаря пророчеству [9]. Аналогичные пассажи встречаются у Гийома Буржского [6] и Якова Сиверосо. Эти примеры лишь подтверждают вторичную роль апелляции к *ratio* в полемических трактатах и необходимость его согласования с авторитетным текстом. Безусловная непостижимость чуда оставляет релевантным лишь один критерий: его аксиологическую функцию, переходящую в ее сотериологическое измерение.

Источники и литература

1. Boureau A. Miracle, volonté et imagination : la mutation scolastique (1270-1320) // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 1994. Vol. 25. № 25. P. 159-172.
2. Bynum C. W. Wonder // AHR. Vol. 102. №. 1. 1997. P. 1-29.
3. Dierkens A. Réflexions sur le miracle au haut Moyen Age // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Vol. 25. 1994. № 1. P. 9-30
4. Guibertus Nogensis. Tractatus de Incarnatione adversus Judaeos. PL Vol 155. Col. 489-528.
5. Guillaume de Bourges. Livre des guerres du Seigneur et deux homélies / éd. Dahan G. Paris, 1981.

6. Iacobus Civerosus. Triumphus perfidie Judeorum de Adventu Messie (Ms Vat. lat. 1002, ff 1ra-97vb)
7. Le Goff J. Le merveilleux scientifique au Moyen Age // Zwischen Wahn, Glaube und Wissenschaft / hrg. Bergier J.-F. Zurich, 1988. P. 105-107.
8. Pertrus Alphonsi. Dialogi cum Moysi Judaeo. PL. Vol. 157. Col. 535-672.
9. Rodericus Ximenius de Rada. Dialogus Libri vitae. Turnhout, 1999. (CCCM. Vol. 72).
10. Vauchez A. La Sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Paris, 1981.